

Она попыталась подавить нервозность при мысли, что Коннор увидит ее такой, какая она есть. Она не думала, что это вероятно. Ранее в тот же день он позвонил ей и сказал, что весь день будет играть в бейсбол со своими друзьями. Коннор был заядлым спортсменом и серьезно относился к играм в бейсбол с друзьями. «Очень, очень маловероятно, — подумала Лара, — что он придет домой рано». Но это было возможно. Она не могла себе представить, чтобы Коннор увидел ее обнаженной и прикованной наручниками к столбу. Они не были чопорной семьей, но и не ходили голыми друг перед другом. Лара не могла вспомнить случая, когда Коннор видел ее обнаженной. Это был уже не мальчик, а спортивный, красивый, подходящий, хотя в настоящее время одинокий, молодой человек. Было бы слишком унижительно, если бы он вернулся домой раньше Чака.

С растущей нервозностью она почувствовала и кое-что еще. Температура повышалась. Она раньше не включала кондиционер, и жара от беспощадного летнего солнца проникала в дом. Она посмотрела на бледную, обнаженную поверхность своего тела. Она еще не вспотела. Но она будет уже к тому времени, когда Чак вернется.

Лара злилась на Чака. Ей нравилось играть в игры, но это было уже слишком. С его стороны было неправильно оставлять ее в таком уязвимом положении на такое долгое время. Она была обнажена и беспомощна. Она согласилась, чтобы на нее надели наручники и связали вот так, но не на два часа, пока Чак находился вне дома. Он не имел права оставить ее такой беспомощной. Чем больше она думала об этом, тем больше злилась на него. Она представляла себе, что может произойти. Почтальон случайно толкнул дверь и наткнулся на нее. Любопытный сосед пробует дверную ручку, не получив ответа на дверной звонок, и обнаруживает уважаемую Лару Уинстон в явно нереспектабельном состоянии. Или - не дай Бог - грабителю, пытающемуся проникнуть в дом и обнаружившему дверь незапертой.

Внутри Лары росло еще одно чувство. Она боролась с этим, пытаясь сдержать раздражение на Чака и страх за свое затруднительное положение. Но она не могла остановить это. Это чувство зародилось откуда-то глубоко и распространилось по ней. Ее кожу покалывало. Ее сердце забило быстрее.

Лара возбудилась. Она была взволнована тем, что оказалась обнаженной, обнаженной и беспомощной. Чак сразу разгадал эту тайную часть Лары, хотя ее бывший муж так и не понял этого за 18 лет брака. Ларе нравилось быть на грани. Ей нравилось быть обнаженной, и особенно ей нравилось быть обнаженной в обстоятельствах, когда обнаженной быть не следовало.

Она посмотрела на свою полную грудь. Соски стояли розовые, возбужденные и торчащие. Тепло разлилось по ее груди и животу. Между ее ног появилось тепло, окутывающее губы и расщелину вульвы. Оно нарастало в интенсивности. Что-то щекотало ее бедро. Она была мокрой. Она не могла этого видеть, но была в этом уверена. Слабая струйка потекла по ее коже.

«Нет, черт возьми», — снова сказала она себе в пустой комнате. «Не заводись».

Но она ничего не могла с этим поделать. Она была возбуждена. Часть ее тела охотно реагировала на возможность того, что кто-то найдет ее обнаженной.

«Сосредоточься, Лара», — сказала она вслух. «Сосредоточься. Чак скоро вернется. Никто меня не увидит. Все будет кончено. Соберись».

Она работала над своим дыханием. В. Вне. В. Вне. Она попыталась успокоиться. Это было

непросто, но после двух минут ровного дыхания она подумала, что это сработало. Она сказала себе, что сосредоточится на дыхании, пока Чак не вернется и не выпустит ее.

Затем она услышала, как повернулась дверная ручка.

Сердце Лары выпрыгнуло из груди прямо в рот, сдерживая крик страха. «Это всего лишь Чак», — сказала она себе. Он вернулся рано. Он вытащит меня отсюда.

Ручка перестала поворачиваться, и дверь открылась. Высокая фигура, вырисовывавшаяся на фоне полуденного света снаружи, заполнила проход. Фигура остановилась и посмотрела на тяжелую спортивную сумку в своей руке. Затем фигура посмотрела вверх. Его глаза встретились с Ларой.

Это был ее сын Коннор.

Он был потный, без рубашки, на нем были только спортивные шорты, носки и кроссовки.

Сначала он ничего не сказал. Лара тоже. Ей тишина казалась бесконечной. Рот Коннора открылся, издав широкое, неподвижное «О», хотя никто из них ничего не сказал. Затем он уронил свою спортивную сумку на пол. Он захлопнул за собой дверь.

«Мама», — сказал Коннор. «Ты голый!»

Лара ничего не говорила, и некоторое время Коннор тоже. Он тупо смотрел на маму, широко раскрыв глаза и открыв рот. Лара видела, как он покачал головой и подошел к ней. Он посмотрел на ее скованные руки, а затем оглядел комнату. Она увидела, как растерянность на его лице сменилась тревогой.

«Мама», - кричал он. — Что случилось? С тобой все в порядке? Кто...

«Я в порядке, Коннор», — ответила Лара, перебивая его. Но Коннор не успокоился. Его тело тряслось, а глаза лихорадочно осматривали комнату.

"Кто это сделал?" он спросил.

«Чак сделал это», сказала Лара.

— Чак? Я, черт возьми, разобью ему голову. Лара увидела, как Коннор сжал кулаки. Очевидно, он думал, что Чак где-то рядом. Лара поморщилась от гнева сына и его нецензурной лексики. Она питала отвращение к нецензурным словам и редко их употребляла. Она знала, что ей нужно его успокоить.

«Коннор, послушай меня», сказала Лара. «Чака здесь нет. Это была игра. Я позволил ему сделать это. Мы сделали это вместе. Успокойся. Он ушел и не вернется какое-то время. Он пошел в магазин за кое-какими вещами и сказал, что он вернусь».

Коннор сделал еще три шага к маме, пока не оказался всего в нескольких футах от нее. Его тело, напряженное и взвинченное, немного опустело. Лара могла сказать, что он старался не смотреть на ее обнаженное тело, но это ему не удавалось. Его глаза метались вверх и вниз по ее обнаженной фигуре. Было очевидно, что он не знал, что сказать.

«Коннор», сказала Лара. "Ты можешь сделать кое-что для меня?"

«Конечно, мама», — сказал он. "Что ты хочешь?" Он отклонил от нее голову, но Лара видела,

что он все еще смотрит на нее краем глаза.

«Найдите ключ от этих наручников», — сказала она. «Это должно быть где-то здесь».

Ларе, казалось, потребовалось несколько секунд, чтобы ее просьба дошла до его сознания. Коннор застыл на месте, изо всех сил стараясь не смотреть на свою обнаженную мать, но не в силах этого избежать. Но в конце концов он ответил.

«Хорошо, мам», сказал он. «Где мне смотреть?»

«Я не знаю», сказала она. «Где-то здесь. Диван. Стулья. Должно быть, где-то рядом».

Коннор начал осматривать гостиную, опрокидывая диванные подушки и бросая их на пол в поисках ключа. Лара заметила, что время от времени его взгляд отвлекался от поисков и смотрел на ее обнаженное тело. Ей было смешно осознавать, что сын хочет на нее посмотреть.

«Ты рано дома», сказала она. — Почему? Я думал, ты придешь в 6.

«У нас должна была быть игра, но половина ребят не пришла», — сказал Коннор, поднимая подушку с дивана. «Я не знаю почему. Итак, у нас не хватило ребят на игру. Остальные некоторое время подавали и отбивали мячи. Но было слишком жарко, поэтому мы остановились. Я решил вернуться домой. Я не ожидал...»

Он не закончил свою мысль. Он остановился и позволил рукам упасть по бокам. Он поднял глаза и выдержал взгляд матери.

«Мама», сказал он. «Кажется... это какая-то путаница. С тобой все в порядке? Что происходит?»

«Я в порядке, Коннор», сказала она. «Это то, что Чак хотел сделать. Я согласился. Охотно. Мне очень жаль. Должно быть, для тебя странно найти меня в таком виде».

Ларе хотелось исчезнуть, но наручники и веревка крепко удерживали ее на опорной балке. Она будет открыта своему сыну, пока он не найдет ключ и не отпустит ее.

Коннор продолжал осматривать гостиную.

«Ой!» - сказала Лара. Она подвигалась, чтобы устроиться поудобнее, и веревка на правой ноге внезапно защемила ее.

Коннор прекратил свои дела и подошел к ней.

«Мама, что случилось?»

«Ничего серьезного», — сказала она. «Это просто веревка вокруг моей ноги. Она затянулась, когда я переместил свой вес, и немного ущипнула меня.

«Могу ли я что-нибудь сделать?» — спросил Коннор. Он стоял всего в нескольких футах от нее. Лара заметила его тело без рубашки, скользкое от пота, но еще не высохшее после занятий спортом. Она заметила ширину его плеч, мускулистую грудь и туловище. Дрожь сотрясла ее тело.

«Я не уверена», сказала она. «Веревка туго натянута вокруг моей ноги. Я не уверена...» Ее голос затих. Она не знала, что сказать.

Коннор присел на корточки, пока его голова не оказалась на одном уровне со связанной ногой. Его пальцы схватили веревку и поправили ее на ее бедре.

«Это то место, где оно щипало?» он спросил. — Я это исправил?

Лара подвинулась, чтобы выяснить, решил ли Коннор проблему. Она осознала, что ее обнаженные бедра покачиваются и выдвигаются вперед всего в футах от лица ее сына. По причинам, которые она не совсем понимала или не хотела себе признать, она продолжала раскачиваться, ничего не говоря сразу. Она посмотрела со своего места на лицо сына. Она увидела, как взгляд Коннора метнулся от веревки на ее ноге к голому месту соединения между ее ногами. Ей было трудно признать в этом самой себе, но это была правда: она все больше возбуждалась от близости лица сына к ее обнаженной киске.

«Так лучше», — сказала она после некоторой задержки. «Спасибо. Вы можете найти этот ключ?»

— Конечно, мам, — сказал Коннор, но не пошевелился. Его тело осталось в той же позе, но он поднял на нее голову.

«Мама, зачем ты это делаешь? Это кажется каким-то... я не знаю. Кстати, оставить тебя здесь - это в магазине, я этого не понимаю.

Лара посмотрела вниз, в перевернутые глаза сына, и ее сердце растаяло от искреннего беспокойства, которое она увидела в них. Она знала, что для него это, должно быть, было странно: видеть, как его мать связанная и обнаженная, понравилось это. Но она увидела, как его взгляд метнулся от ее взгляда к ее торчащим соскам. Странное чувство охватило ее тело, достигнув киски, и она хотела свести бедра вместе, но, будучи связанной, не могла.

«Это День обнаженной натуры», - сказала она.

«День обнаженной натуры?» Коннор ответил. «Что это за херня?»

«Коннор, твой язык», сказала она. «Это национальный день, посвященный нагоде. Чак рассказал мне об этом и сказал, что хочет сделать это ко Дню обнаженной натуры. Слушай, я не знаю, как это объяснить, Коннор», — сказала Лара, стараясь сохранять спокойствие. «С тобой неловко говорить об этом. Чак и я любим играть в определенные игры. Ему нравится разоблачать меня и ставить в уязвимое положение. Я знаю, это трудно понять».

«Мама, ты теперь очень уязвима», — сказал Коннор. Он отвернулся от ее лица, и Ларе показалось, что он снова смотрит на ее киску. Даже не задумываясь об этом, она покачала бедрами, еще раз очень тонко подталкивая свою киску к сыну. С ее губ сорвался слабый вздох воздуха. Она надеялась, что Коннор этого не услышал. Она отпрянула назад, прижавшись к опорной балке, как только поняла, что делает. Она задавалась вопросом, мог ли Коннор, находившийся так близко, почувствовать ее запах.